

ЯКОР

Я шла по лесной гривке. Она была не широкой, можно сказать, узенькой. Ягель, белый и хрусткий, аккуратно покрывавший гривку, издали был похож на снежный покров, а вблизи на невесомые облака, какие мы видим, когда летим на самолете. Внизу по краям гривки зеленели болота – наши ягодные места, на которых в начале июля мы собираем морошку, в конце июля – голубику, осенью – клюкву. Сейчас – начало июля, я собирала морошку, но отчего-то вдруг очень захотелось подняться на гривку, и не спеша пройти по ее единственной тропке – узенькой темной полоске среди возвышающегося белоснежного ягеля.

И вот я иду по гривке. А за час-полтора здесь в этом же направлении шел медведь – хозяин этих мест. Своим чутким слухом он уловил, что шум людей, который обычно был слышен далеко отсюда – на речке, стал перемещаться сюда, ближе к озеру. Медведь знал, что люди приедут ненадолго: вдоль и поперек истопчут болота, затем на берегу озера разведут костер, будет много шума: смеха, хохота, криков. На закате дня все уедут. Наступит обычная тишина, но останется запах – запах человека. Он будет долго витать в воздухе – отвратительный, отталкивающий, нервирующий. Медведь не выносил этого запаха, предчувствуя его, фыркая и мотая мордой, он, раздраженный, уходил в таежную глубь... Он помнил другие времена, других людей. И это было совсем недавно: те люди, обычно мужчина и женщина, приезжали, молча собирали ягоды, затем, негромко переговариваясь, садились в лодку и уезжали. Иногда с ними были маленькие люди – дети, они тоже вели себя иначе. Сейчас что-то случилось в природе, и этого медведь не мог понять. И это его беспокоило...

Я иду по лесной гривке. А две тысячи лет назад здесь в этом же направлении шел Человек – тоже хозяин этих мест. Дом его находился вблизи озера. Имя Человека – Якор. Якор не спеша шел по гривке и думал о будущем, его многое беспокоило. В своих долгих раздумьях он искал и не находил ответов: откуда пришли в его леса люди, так непохожие на людей его рода – рода Менгквов; ждаты ли от них неприятностей, беды; смогут ли они и дальше мирно соседствовать рядом?

С виду чужаки не внушали страха, они были маленького роста, казались слабыми и беспомощными. Якор несколько раз наблюдал их охоту на крупного зверя, она давалась им с большим трудом. Часто стрелы и копья чужаков пролетали мимо зверя, а те, что достигали цели, порой не приносили пользы. Якор видел отчаяние людей при неудаче и их почти детскую радость при успешной охоте. Тогда они становились чрезмерно суетливыми, их движения – торопливыми и поспешными. Чужаки быстро разделявали тушу, сооружали волокуши и уходили в свои селения. Они легко, почти невесомо скользили по снежному покрову на широких лыжах, так быстро и проворно по глубокому снегу люди рода Менгков не передвигались.

Прошлой осенью Якор столкнулся с чужаком на тропе у Большого озера. Встреча была неожиданной для обоих и непростительной для Человека из рода Менгков. В тот день на восходе Солнца Якор ходил на место погребения Верховного отца – главного жреца рода. Совершив обряд общения с его духом, успокоив свои тревожные мысли и обретя внутренний покой, он шел в обратном направлении. Взгляд был устремлен в небо, синь небес и золотое сияние Солнца наполняли душу спокойствием и смирением... В какой-то момент Менгкв почувствовал присутствие чужака, но совершить упреждающее действие не успел – остался для чужака видимым... Тот, напуганный и растерянный, стоял всего в нескольких шагах, к его ногам, скуля и повизгивая, жалась собака... Менгкв и чужак в оцепенении глядели друг на друга, и вскоре чужак превратился в окаменевшее безвольное существо. Якор отвел взгляд... За сегодняшний день он совершил две ошибки: первая – показался на глаза маленькому человеку, вторая – не успел избежать его взгляда. И хотя встреча была почти мгновенной, но чужаку она представляла большую опасность – в таком беспомощном состоянии он мог остаться надолго... Якору стало жаль его, стало жаль собаку. Он подошел к оцепеневшему человеку, приподнял его за плечи и крепко встряхнул: онемевшее тело чуть обмякло, в остекленевшем взгляде появилась осмысленность. Поставив чужака на тропу, Якор растворился в лесной чаще. Об этой встрече он никому не рассказал.

Следующая встреча с пришлыми произошла недавно и совсем недалеко от этих мест. Вначале Якор увидел, как люди, испуганно озираясь, торопливо бежали по тропе Менгков, их кто-то преследовал. И действительно, вскоре за речкой показались другие люди – воины с луками и стрелами. Их движения были быстрыми и ловкими, преодолев вплавь неширокую речку, они ринулись по следам преследуемых... Якор был очень удивлен решением беглецов войти на заповедную территорию, ведь в своей жизни маленькие люди боялись даже допускать мысли о Менгквах. Получается, что страх смертельной опасности заставил их преодолеть другой, не менее ужасающий страх перед могущественными Менгквами...

Среди убежавших людей Якор увидел ту женщину, ради которой уже не раз подходил к селению. Он решил спасти беглецов: силой мысли стал раскачивать многовековую сосну, со стоном, треском и грохотом она рухнула на тропу, содрогнулась земля. Вооруженные люди в недоумении остановились, в их глазах застыл ужас. Один из воинов кинулся осматривать дерево: увидев вывороченное вместе с землей корневище, что-то испуганно крича, он бросился к своим. И тут раздался леденящий душу свист Менгква. Воины бро-

сились в обратный путь. А вдаль слышался уже другой свист, затем еще и еще – так Якора поддерживали сородичи, соблюдая законы неприкосновенности территории.

Якор думал о женщине. Он знал, что в его жизни наступит пора, когда он ее встретит, когда мысли и жизнь будут зависеть от нее. Он встретил ее и думал о ней. Но думы были скорей тревожными и беспокойными, чем радостными и ликующими. Та, о которой он думал, была непохожа на женщин рода Менгквов, она была маленькой, хрупкой и, как ему казалось, беспомощной. Она жила в селении за озером, жила вместе с чужаками в большом земляном доме и как все, от рассвета до заката, трудилась... Менгкв часто подходил к речке, издали наблюдал за ней, отводил взгляд, если она, чувствуя его присутствие, начинала вдруг беспокойно оглядываться по сторонам. Он любил ее, его желанием было взять ее на руки и унести в свой дом в тени многовековых елей. Чувства Якора были глубокими и совершенными, непреходящими и вечными, на всю жизнь. Однако при всем своем могуществе Менгкв сомневался – полюбит ли она его. Эти мысли не давали покоя. И вот сегодня он решал испытать судьбу – его намерением было показаться на глаза женщине.

Женщина плыла на маленькой лодочке по реке, плыла в его сторону. Остановившись неподалеку, стала присматриваться, Якору казалось, что она видит его, он растерянно улыбался. Женщина сошла на берег, громко произнесла: «Ты здесь, покажись мне!» Якор показался. Она, вначале с осторожностью, затем с нежностью взглянула на него и тихо произнесла: «Ты нас спас, я знаю...»

Я иду по лесной гривке и думаю о Якоре – человеке из рода Менгквов. И я увидела его: он шел мне навстречу... Я, пропуская его, быстро сошла с тропки. Он, проходя мимо, на мгновение глянул на меня, взгляд его был задумчивым и печальным. Он прошел мимо, а я долго смотрела ему вслед, пока его силуэт не растворился в появившемся вдруг туманном облаке в конце гривки.

Я знаю, что две тысячи лет назад Якор видел меня, для него это было обычным явлением – картинкой из будущего. Спустя две тысячи лет и я увидела его... Сейчас я знаю, что с той женщиной – моей прапрапра... прабабушкой они прожили долгую и счастливую жизнь. Правда, жизнь долгой была для женщины, ведь она прожила рядом с любимым целый век и родила ему много сыновей и дочерей. Не очень долгой жизнь оказалась для Якора, он прожил с любимой почти век, а мог бы жить целое тысячелетие – срок, предначертанный Менгквам свыше. Она ушла, а он не мог без нее жить, и вскоре умер от тоски и одиночества. Многие Менгквы так ушли из жизни...

В память о них остались наши древние молитвы, обращенные к нашим кровным предкам – Менгквам.

С ВОЛКАМИ ЖИТЬ – ПО-ВОЛЧЬИ ВЫТЬ...

Сегодня от главной волчицы отвернулись волчата. Нет, не ее волчата, а всей стаи. Своих у нее не было никогда. Всех она считала своими, каждым любовалась, играла, об-

учала охоте. Самки не противились их общению, они подчинялись воле главной. Волчат вспугнул вой волчицы. Он был неожиданным, очень протяжным и каким-то чересчур горестно-гневым, тяжелым... Волчата поджали хвосты, пригнули головы, исподлобья поглядывая на волчицу, и засеменили к своим мамам; те же в большой растерянности, боясь шевельнуться, смотрели на свою предводительницу...

Главная волчица тут же пожалела о своем поступке. Да, сегодня был не ее день! Она не знала, что с ней происходит. Крик ее души оказался неожиданным для нее самой. Но он вырвался, вылетел, состоялся! Вместе с нарастающим чувством сожаления и раскаяния она вдруг стала испытывать некое облегчение – освобождение от гнетущего и тягостного состояния, в каком пребывала последнее время.

Волчица, глядя с возвышения – небольшого пригорка, на стаю, с удивлением прислушивалась к себе: ее ошибка, промах вдруг стали вносить в сердце свободу. Она чувствовала, как, подобно рассеивающемуся утреннему туману, отступает ее раздражение, злоба...

Сейчас главная волчица хотела побыть одна. Она спустилась с пригорка и сквозь чашу устремила в сторону заливных лугов. Мыслям ее нужен был простор... Окинув взором пространство, остановила взгляд на птице, одиноко парящей высоко в небе. Обычно она подолгу наблюдала за полетом птиц, мысленно уносила к ним в поднебесье и оттуда любовалась миром, радовалась приволью... Но сейчас она слушала себя. В последнее время она была слишком раздражена, как-то незаметно в ее сердце основательно вселились гнев и досада. Порой волчица испытывала невероятные приступы ярости, хотелось кровавой схватки, физической боли, хотелось выть, выть, выть... В такие минуты она закрывала глаза и к ней являлась Волчица-Мать. Ее образ успокаивал мысли, душу, сердце, умирал гнев... Волчица-мать! Только она может понять, успокоить, дать совет. Главная волчица закрыла глаза... Образ Волчицы-Матери явился в нежном розоватом свечении, взгляд лучился любовью и светом: «Милая дочь! Я ждала этого дня... Он состоялся. Сегодня в пространство влился твой голос – голос белой волчицы. Да, ты особенная, не похожая на других. Тебе дарован не только белый цвет... Нашим божеством – Ночным Светилом – ты одарена великой мудростью предков – хранить и передавать уходящие в забвение непрекаемые волчи законы бытия... Без них волкам не выжить...

Меня беспокоило твое молчание... Запомни: Ночное Светило одно на всех, Дневное Светило одно на всех. Под их светом, как и все волки, ты имеешь счастье ходить по земле на четырех лапах, дышать, видеть, слышать. Как и все волки, ты добываешь еду, избегаешь встреч с прямоходящим на двух лапах, умеешь чувствовать опасность. В тебе течет волчья кровь, а волки должны выть. Вой – это не только общение, вой – это очищение... Боль души невозможнолизать, как кровотокающую рану. Посмотри на своих братьев и сестер, им жить легче, чем тебе. Живи как все, и как все – вой! Молчание хорошо, чистота лучше! Очищайся воем – это единственное спасение... Открой глаза!»

Волчица открыла глаза...